

Зелёная пташка

— Папа, папа.

Детский голосок звучал совсем рядом. В тумане забытья Лоу Юю показалось, что перед ним стоят несколько детей, но веки, налившись свинцом, никак не хотели подниматься, и он не мог разглядеть их лиц.

— Папа, я хочу конфетку, — проговорил один из малышей, теребя его за руку.

— И я хочу, и я! — тут же подскочил другой.

— Папа, почему ты молчишь? — маленькая ручка коснулась его лба, и раздалось недовольное пыхтение. — Не горячий, не заболел.

Лоу Юй хотел ответить, но по какой-то причине не мог разомкнуть губ.

Не дождавшись ответа, дети, взявшись за руки, убежали прочь, что-то бормоча себе под нос.

— Папа, наверное, не в настроении. Не будем ему мешать.

— Пойдём поищем папу, пусть он утешит папу.

— Да, давай!

Три маленькие фигурки удалялись всё дальше. Лоу Юя охватило чувство утраты. Он хотел, чтобы они остались, ведь он так и не разглядел их лиц.

Возможно, желание было слишком сильным. Стиснув зубы, он рванулся, и тело наконец обрело свободу.

Но не успел он обрадоваться, как картина перед глазами исказилась, и в следующее мгновение он открыл глаза, лёжа в своей постели.

Глядя на знакомый потолок, Лоу Юй несколько секунд приходил в себя, прежде чем осознал, что всё это было лишь сном.

Наверное, на него повлияли вчерашние разговоры с Сяо Цуном и товарищами, а может,

нахлынули воспоминания о матери, но ему приснилось, будто у него есть дети, и не один.

Лоу Юй невесело усмехнулся. Правду говорят: о чём думаешь днём, то и видишь ночью.

Умываясь, он посмотрел на своё отражение в зеркале и вдруг подумал: а если бы у него и вправду были дети, были бы они на него похожи?

Хотя в этой жизни этому, скорее всего, не суждено было сбыться, он не мог не поддаться этой мимолётной фантазии.

Жаль только, что он так и не разглядел лиц малышей из сна.

Лоу Юй вздохнул, испытывая безграничное сожаление из-за простого сновидения.

Сегодня на улице дул сильный ветер, становилось всё холоднее. Перед выходом на работу Лоу Юй сменил куртку на другую, точно такую же, как та, что он подарил Снежной птице.

А в это время, далеко в горах, в пещере, Тао Цю заканчивал обустройство гнезда. Он связал в пучки собранную ранее сухую траву и уложил её плотным слоем. Потом сел сверху и даже немного попрыгал — мягко, именно то, что нужно. Он позвал и птенцов, чтобы те опробовали новое ложе. Детёныши тоже остались довольны.

Закончив с гнездом и пообедав, Тао Цю взял пучок редечной ботвы, мелко нарезал её, засыпал в бамбуковый стакан и принялся толочь длинным гладким камнем.

Вскоре из листьев начал сочиться зелёный сок. Тао Цю выбросил уже сухую ботву и повторил процедуру несколько раз, пока на дне бамбукового стакана не собралось немного густой зелёной жидкости.

Сока было мало, но цвет получился насыщенным — для покраски хватит.

Пока Тао Цю был занят делом, птенцы играли неподалёку, но не спускали с него глаз. Увидев, что он закончил, они тут же сгрудились вокруг.

— Цю, цюцю? — первой спросила Эрбао. — Папа, что это?

Тао Цю показал им сок и с улыбкой ответил:

— Сюэсюэ, ты же завидовала людям, что они могут менять одежду, и говорила, что тоже хочешь перья другого цвета? Я обещал помочь тебе их покрасить. Вот, это краска.

— Цю! — Эрбао радостно захлопала крыльями и придвинулась поближе к бамбуковому стакану.

— Цюцю, — заметила Саньбао. — Темнее, чем твои глаза, папа.

— Этот сок не очень стойкий, — пояснил Тао Цю. — Когда высохнет, цвет станет светло-зелёным, почти как наши с Эрбао глаза.

Услышав это, Эрбао пришла в ещё больший восторг.

— Цюцю, цюцю! — Хочу покрасить, прямо сейчас!

— Хорошо, хорошо, иди сюда, я тебя покрашу.

Тао Цю усадил Эрбао перед собой и принялся внимательно её осматривать, прикидывая, где лучше нанести краску.

Подумав, он предложил:

— Сюэсюэ, на всё тельце краски не хватит, а пятнами будет некрасиво. Давай покрасим тебе грудку, будет похоже на маленькую зелёную кофточку. Уверен, получится отлично.

Эрбао полностью доверяла отцу.

— Цюцю, — как скажешь, папа.

— Отлично, тогда я начинаю.

Тао Цю сорвал вату с медицинских палочек, скатал её в шарик, обмакнул в бамбуковый стакан, чтобы тот пропитался соком, а затем аккуратно, сначала по росту перьев, а потом против, принялся втирать краску в пушок на груди Эрбао.

Он действовал очень осторожно, чтобы не причинить ей боли, и старался придать окрашенной области чёткий контур.

Через полчаса, используя последние капли сока, он покрасил ещё и торчащий хохолок на её макушке.

— Готово!

Приведя в порядок взъерошенные пёрышки, Тао Цю хлопнул в ладоши и довольно улыбнулся.

Дабао и Саньбао тут же склонили головы, чтобы рассмотреть сестру.

Зелёное пятно начиналось у основания шеи и спускалось до середины животика, образуя аккуратный квадратик с закруглёнными краями. В центре цвет был немного темнее, напоминая по форме сердечко. Любой человек, увидев это, непременно бы улыбнулся: «Да это же слюнявчик, да ещё и с сердечком посередине!» А зелёный хохолок на макушке, похожий на маленькое украшение, идеально сочетался с цветом её глаз и грудки.

Эрбао гордо выпятила грудь и с нетерпением спросила:

— Цюцю? — Красиво?

Тао Цю первым делом поднял большой палец вверх.

— Невероятно мило! Моё сердце тает от умиления.

Дабао кивнул.

— Цю, цюцю, — красиво, тебе очень идёт.

Саньбао тоже согласилась.

— Цюцю, цю, — и правда, очень похоже на цвет твоих глаз, сестрёнка. Очень красиво.

Эрбао была уверена, что папа, брат и сестра не станут её обманывать. Она сейчас, должно быть, просто неотразима.

— Сколько бы мы ни говорили, главное, чтобы тебе самой нравилось, — сказал Тао Цю. — Пойдём, я отведу тебя к пруду, посмотришься в зеркало.

С этими словами он подхватил всех троих птенцов и полетел к пруду в долине.

В последние дни температура сильно упала, и пруд вот-вот должен был покрыться льдом, так что купаться они перестали.

Эрбао нетерпеливо спрыгнула с рук отца и, подбежав к самой воде, принялась вертеться,

склоняя голову, поднимая крылья и выпячивая грудь, любуясь своим отражением со всех сторон. Не нужно было и слов, чтобы понять — она была в полном восторге от своего нового облика.

— Цю! — Эрбао подлетела обратно, и Тао Цю поймал её.

— Цюцю, цюцю, — она прыгала на месте, словно на пружинках, её глаза сияли от радости. — Цюцю! — Нравится, очень нравится! Папа, я тебя люблю!

— Главное, что тебе нравится. Я тоже тебя люблю, — с улыбкой ответил Тао Цю, погладив её по маленькой головке.

После покраски Эрбао стала просто невыносимо гордой. Она то и дело разглядывала свою грудку, и стоило хоть одному пёрышку выбиться, как она тут же принималась его приглаживать. Она важно расхаживала по пещере, заложив крылья за спину и выпятив грудь, напевая себе под нос песенки. И как минимум раз в час спрашивала у остальных, красивая ли она.

Тао Цю, Дабао и Саньбао уже натренировались и, завидев её, автоматически отвечали: «Красивая, красивая».

Саньбао, видя, как сестре идёт новый цвет, такой же, как у папы, и сама загорелась желанием покраситься. Но потом, посмотрев на то, какой глупенькой и самодовольной стала сестра, передумала, опасаясь, что потом будет жалеть. Поэтому, когда Тао Цю спросил, не хочет ли и она покрасить перья, она отказалась, но не категорично, сказав, что, может быть, захочет позже. Тао Цю, кажется, догадался, о чём она думает, и с улыбкой ущипнул её за щёчку.

Такое состояние Эрбао продолжалось до первого снегопада, когда к ним в гости снова пришла Маленькая змея вместе с Зелёной змеей, принёсшей добычу.

Родители беседовали в стороне, говоря о том, что скоро, должно быть, пойдёт снег.

— С-с-с... — прошипела Зелёная змея. — Я в последний раз приношу вам добычу. Как только выпадет снег, мы с Маленькой змеей впадём в спячку.

Тао Цю в последние дни и сам активно охотился, запасая мясо на зиму. С учётом того, что принесла Зелёная змея, им должно было хватить.

Он посмотрел на неё и ответил:

— Цю, цюцю, — хорошо отдохните. Увидимся весной.

Тем временем птенцы сгрудились в другом углу.

Эрбао, по-прежнему выпятив грудь, рассказывала о том, как папа покрасил ей перья. Она уже собиралась похвастаться перед Маленькой змеей, но та опередила её.

— С-с... с-с... — Толстый снежный зяблик, ты ведь мне на самом деле завидуешь.

— Цю? — гордость в глазах Эрбао сменилась недоумением. Она посмотрела на Маленькую змею как на сумасшедшую. — Что?

Маленькая змея высоко подняла голову с видом полной уверенности в своей правоте.

— В прошлый раз, когда мы виделись, у тебя не было зелёных перьев, а теперь их так много. Это потому, что ты увидела, что я вся зелёная, а у тебя только глаза, и позавидовала. Знала, что я снова приду, вот и придумала, как покраситься в зелёный, да?

Такое абсурдное заявление взбесило Эрбао.

— Цю! Цюцю, цюцю! — Ерунда! Я покрасилась, потому что мне нравится этот цвет! Потому что у меня и у папы зелёные глаза!

Маленькая змея высунула язык.

— С-с-с... — О-о, я зелёная, поэтому тебе нравится зелёный.

— Цюцю! Цюцю! — Нравится зелёный! Не ты!

— С-с... с-с... — язвительно протянула Маленькая змея. — Я угадала, иначе почему ты так злишься?

— Цю! — Эрбао от злости подпрыгнула на месте.

Слова Маленькой змеи были для неё настоящим оскорблением!

Глядя на её разъярённый вид, Маленькая змея от радости замахала хвостом. Вернувшись домой, она долго думала, прокручивая в голове возможные сценарии ссоры со снежными зябликами, чтобы сегодня взять реванш. Как тут не радоваться?

Саньбао бросилась утешать расстроенную сестру, а Дабао холодно посмотрел на Маленькую змею и съязвил:

— Ты на себя посмотри. Цвет твоей чешуи такой блёклый, что это оскорбление для зелёного. И у тебя хватает наглости говорить, что моя сестра тебе завидует? Завидует твоей болезненности?

Больное место Маленькой змеи было то, что она сейчас слаба и во всём уступает снежным птенцам. В прошлый раз она даже проиграла в скорости Саньбао. Слова Дабао ударили точно в цель.

— С-с-с... — Ты ещё пожалеешь, я тебя когда-нибудь отравлю.

— Цюцю, — а я тебя на две части раскляю.

На этот раз они не сдержались, их голоса становились всё громче, привлекая внимание Тао Цю и Зелёной змеи.

Увидев отца, Эрбао подлетела к нему, уткнулась в грудь и громко зарыдала.

— Цюцю! Цюцю! — Маленькая змея плохая! Я её ненавижу!

Маленькая змея не осталась в долгу.

— С-с-с... — И я тебя ненавижу!

Тао Цю и Зелёная змея были в недоумении. Что произошло?

Саньбао подошла и объяснила, что случилось. Зелёной змее становилось всё более неловко. Её дочь начала ссору, да ещё и довела птенца до слёз. Не очень-то вежливо для гостя.

Выслушав Саньбао, Зелёная змея тут же извинилась за дочь.

Тао Цю, как взрослый, не хотел вмешиваться в детские ссоры.

— Цюцю, цюцюцю, — ничего страшного, дети часто ссорятся.

Эрбао продолжала всхлипывать на руках у отца. Дабао и Маленькая змея сверлили друг друга взглядами. Саньбао с тревогой смотрела на сестру.

Хотя Тао Цю из вежливости и сказал, что всё в порядке, Зелёная змея не могла оставить это без внимания.

В конце концов она заставила Маленькую змею извиниться перед Эрбао. Хотя та и сделала это неохотно, а Эрбао извинений не приняла, инцидент был исчерпан.

После такого скандала Зелёная змея и Маленькая змея не могли больше оставаться. Попрощавшись, они поспешно ушли.

Встреча закончилась неприятно для обеих сторон.

Перестав плакать, Эрбао потребовала, чтобы ей смыли краску, говоря, что при виде этого цвета она вспоминает слова Маленькой змеи, и это её ещё больше злит.

Тао Цю попытался её отговорить.

— Если ты смоешь, разве это не будет означать, что ты согласна с ней?

Он понимал, что Эрбао сейчас говорит на эмоциях. Ей ведь так нравился этот цвет. Что, если она смоеет его, а потом, успокоившись, будет жалеть и расстраиваться?

Но Эрбао упёрлась.

— Цюцю, цюцю, — смой, пожалуйста, папа.

Видя, что если он не согласится, она снова расплачется, Тао Цюбеспомощно кивнул.

Смыть краску оказалось непросто. Они несколько дней поочерёдно использовали зольную воду и медицинский спирт.

Снова став чисто-белой, Эрбао на какое-то время впала в уныние. Даже любимое жареное мясо не радовало её.

Она добилась своего, но счастливее не стала.

Неизвестно, жалела ли она о своём решении или причина была в чём-то другом.

Но однажды всё изменилось.

Утром в пещеру ворвался порыв холодного ветра. Тао Цю проснулся от холода и, открыв глаза, увидел, что вместе с ветром в пещеру залетают белые снежинки. Пол и край гнезда были усыпаны белыми крапинками.

Тао Цю мгновенно проснулся. Он принял человеческий облик и принялся будить птенцов, особенно Эрбао.

— Быстрее вставайте, смотрите, снег, снег идёт!

За свою прошлую человеческую и нынешнюю птичью жизнь Тао Цю видел снег бесчисленное количество раз, но так радовался ему, пожалуй, впервые.

— Цюцю? — Папа, ты меня зовёшь?

Эрбао, которую бесцеремонно вырвали из сна, ещё не до конца проснулась. Она полуприкрыла глаза и, слыша, как Тао Цю повторяет «снег, снег», подумала, что он зовёт её по имени.

Тао Цю рассмеялся.

— Сегодня идёт снег, Эрбао. Тот самый снег, как в твоём имени, он падает с неба.

Эрбао несколько секунд непонимающе моргала, а потом вдруг осознала, о чём говорит отец.

— Цю! — Снег!

С той же силой, с какой она когда-то пробивала скорлупу, Эрбао выскочила из гнезда.

Холодный ветер трепал её перья, но она не обращала на это внимания, не сводя глаз с белых хлопьев на земле. Её глаза сияли.

Тао Цю протянул руку, поймал несколько снежинок и поднёс к Эрбао.

— Смотри, Сюэсюэ, каждая снежинка уникальна. Чистая и белая, такая же красивая, как ты.

При этих словах вся грусть, накопившаяся в сердце Эрбао за последние дни, растаяла, словно снежинка на ладони.

Она снова стала той самой весёлой, жизнерадостной и уверенной в себе Эрбао.

— Цюцю, — она повернулась к Дабао и Саньбао, которые с любопытством смотрели на неё из гнезда, и радостно прочирикала: — Цюцю! — Братик, сестрёнка, скорее смотрите на снежинки, такие же красивые, как я!

Дабао и Саньбао переглянулись и тоже рассмеялись.

— Цю! — Идём!

Пока шёл снег, ветер был слишком сильным. Тао Цю не разрешил птенцам выходить на улицу и даже прикрыл вход в пещеру бамбуковой дверью, оставив лишь небольшую щель для света.

Птенцы были послушными. Раз папа сказал нельзя, значит нельзя. Они спокойно пошли умываться и завтракать.

Раз уж в пещере горел огонь, зимой, конечно же, нужно было есть горячую пищу.

Тао Цю сварил суп с кусочками мяса и нарезал фрукты, чтобы птенцам было удобнее есть.

Они вкусно поели, а потом болтали и играли с отцом. К полудню ветер постепенно стих.

Тао Цю надел подаренные ему штаны и куртку, приоткрыл бамбуковую дверь и, взяв на руки троих птенцов, вышел на уступ перед пещерой.

Снег, должно быть, начался под утро. За полдня всё вокруг покрылось белым одеялом. Лишь некоторые скалы и деревья упрямо проглядывали сквозь него, не желая сдаваться зиме.

Тао Цю видел подобные картины бесчисленное количество раз. Хотя в душе и шевельнулось что-то, особого восторга он не испытал.

Другое дело птенцы. Они видели, как летом и осенью спорили в своей красоте цветы и травы, как даже земля имела разные оттенки. Но сейчас белый цвет стал главным в их мире.

Такое новое и впечатляющее зрелище им, таким маленьким, нужно было время, чтобы переварить.

Тао Цю не торопил их, спокойно стоя рядом и любясь вместе с ними.

У входа в пещеру тоже навалило снега. Тао Цю присел, опустил птенцов на землю и с озорной улыбкой сказал:

— Снег вы видели, а теперь давайте попробуем, каково это — ходить по нему.

Птенцы, наивные и доверчивые, с любопытством побежали по снегу, оставляя за собой цепочки следов.

Но не прошло и трёх секунд, как они с писком бросились обратно.

— Цюцю! — Холодно, холодно!

Тао Цю расхохотался.

— Ха-ха-ха, попались!

Эрбао с укоризной посмотрела на своего отца.

— Цюцю... — Папа нас разыграл...

— Ну что ты, это не розыгрыш, я просто хотел, чтобы вы ощутили всё чудо природы. Ну как, понравилось?

Саньбао жалобно пропищала:

— Цюцю? — Папа, а ты как думаешь?

Бессовестный отец рассмеялся ещё громче.

Птенцы: «...»

— Ладно, ладно, я извиняюсь. Хотите, я подарю вам подарки в качестве извинения?

Эрбао тут же сменила гнев на милость.

— Цюцю? — Какие подарки?

Тао Цю присел и, сгребая в кучу снег, весело сказал:

— Сейчас увидите. Вам точно понравится.

Да, Тао Цю собирался слепить снеговика. Вернее, снежную птицу.

Услышав такую уверенность в его голосе, птенцы преисполнились ожидания. Они подбежали и уселись у его ног, наблюдая, как он создаёт их подарок.

Через двадцать минут птенцы с огромным любопытством разглядывали странный бесформенный снежный ком.

Дабао:

— Цю? — Это?..

— Это снежная птица, я слепил её по вашему образу и подобию, — с восторгом заявил Тао Цю, в его голосе звучало восхищение собственным творением. Он жестами показывал птенцам детали. — Смотрите, вот клювик, вот животик, вот хвостик, а вот лапки. Боже, как всё мило! Ваш папа — просто прирождённый художник!

Трое птенцов переглянулись. Они не видели ни малейшего сходства между этим уродливым снежным комом и собой.

Дабао:

— ...Цюцю? — Папа, ты хочешь услышать правду?

Тао Цю по их взглядам уже всё понял. Он быстро зажал уши и забормотал:

— Не слышу, не слышу, птичка поёт! Моя снежная птица самая милая!

Эрбао посмотрела на Дабао с выражением глубочайшей скорби и спокойно сказала:

— Цю, цюцю, цюцю, — братик, я хочу фруктиков. Пойдём в пещеру.

Саньбао тоже поддакнула:

— Цюцю, — и я.

И трое птенцов, оставив своего сумасшедшего отца, отправились в пещеру.

Дневной снег был лишь началом. Ночью разыгралась настоящая метель. Даже за бамбуковой дверью и камнями, заслонявшими вход, птенцы, прижавшись к Тао Цю, слышали, как снаружи воет ветер, словно стая голодных волков.

Снег шёл три дня и три ночи. Лишь в те редкие моменты, когда ветер немного стихал, Тао Цю выходил расчистить снег, а птенцы могли немного подышать свежим воздухом.

Огонь в пещере не гас ни на минуту. На костре всё время грелась вода, и они могли пить, когда захотят.

Раньше, когда Тао Цю был один, зимовка сводилась к еде и сну. Теперь, с появлением детей, время летело незаметно. Он то играл с ними, то готовил какой-нибудь особенный обед.

Желудки у него и у птенцов были на удивление крепкими. Они ели жареное мясо, запивая его ледяным фруктовым напитком, и ни разу не пожаловались на живот. Наоборот, им это очень нравилось.

Когда через три дня снег прекратился, они отодвинули бамбуковую дверь и снова вышли на уступ. Снега, который раньше был лишь тонким слоем, теперь навалило по колено. И это при том, что Тао Цю каждый день его расчищал. Страшно было представить, какие сугробы в других местах.

Тао Цю выдохнул облачко пара. Он только что вышел, а кончик носа уже покраснел от холода.

Он сказал птенцам, которых держал на руках:

— В такую погоду все, наверное, по домам сидят.

Саньбао:

— Цюцю, цюцю, — холодно, спать.

Тао Цю вдруг улыбнулся, его бледно-зелёные глаза засияли.

— Раз они сидят по домам, значит, нам пора на улицу.

Дабао сразу понял, что он имеет в виду. Его сердце забилось чаще, и он уставился на отца.

— Полетели! Я покажу вам, что находится за пределами долины. И на этот раз это будет настоящий подарок, который вам понравится!

Новость была такой неожиданной, что птенцы несколько секунд молчали, а потом разразились радостными криками.

— Цюцю! Цюцю! — Наконец-то мы выберемся отсюда! Папа, я тебя люблю! — Эрбао принялась тереться о него.

Тао Цю усмехнулся.

— Уже не злишься, что я вас разыграл?

— Цюцю, — радостно прочиркала Эрбао. — Я и не злилась.

Тао Цю приподнял бровь.

— Да, да, не злилась. Просто два часа со мной не разговаривала.

Саньбао заворковала:

— Цюцю, цюцю, — мы правда не злились, мы тебя очень любим, папа.

— Ах вы, хитрецы, — Тао Цю потрепал их по головкам, вернулся в пещеру, усадил их в корзину с ручкой и прикрыл сверху сухой травой, чтобы защитить от ветра.

— Сейчас мы полетим очень высоко, — наставлял он. — Сидите смирно, не двигайтесь, а то выпадете.

Трое птенцов дружно кивнули.

— Цюцю, — мы будем очень послушными.

Снова выйдя на уступ, Тао Цю принял облик птицы, схватил когтями ручку корзины и, взмахнув крыльями, взмыл в небо.

Раньше он летал с ними только низко над долиной. На этот раз он поднимался всё выше и выше, пока не оказался над самой высокой горой.

Знакомый вход в пещеру становился всё меньше и меньше, пока совсем не исчез из виду.

Глаза птенцов расширились от изумления, сердца забились чаще, дыхание перехватило.

Наконец-то они выбрались из долины!

И папа может летать так высоко! Смогут ли они когда-нибудь так же?

Радостное волнение было таким сильным, что они даже не замечали пронизывающего холодного ветра. Они вертели головами, стараясь запомнить всё, что видели.